

Комм. правды, 1997 - 15 век. - с. 6.

Похищение прекрасной Айседоры в России

Дункан

Когда она ехала в невообразимо далекую и, как ей казалось, смертельно холодную Россию, чтобы научить голодающих русских детей танцевать, уже перед самым отъездом она испытала внезапно какое-то гнетущее чувство. Нечто неосознанное и необъяснимое так взволновало ее, что Айседора едва не осталась в Америке. И пошла вдруг к гадалке. А та навещала: ждут ее великие испытания в той далекой стране и еще... она выйдет замуж. «Только не это! - воскликнула тогда Айседора. - Замуж я никогда не выйду!»

Может быть, ей бы и удалось отстоять свою независимость, если бы один человек, прекрасный, как херувим, чье имя по всей России катилось, если бы этот человек, привыкший брать все, что хотелось ему, если бы этот человек не удумал взять и ее, Айседору Дункан, танцовщицу, освещенную лучами всемирной славы... Но Есенина и влекла исключительно эта слава, ведь он никогда в жизни не видел ее. А она о нем даже не слышала.

Что случилось с ним, когда он узнал, что она уж в Москве! В компании развеселых пьяниц-друзей он метался по всяким значным московским местам в надежде настигнуть ее, но все напрасно: Айседора в чужой стране вела себя скромно, хотя и любила иной раз выбраться в общество молодых артистов или художников. И вдруг доносят Есенину: будет Она вечером в доме его же приятеля, художника Гриши Акулова!

И вот она стоит в своей длинной белоснежной танцевальной тунике, из-под которой выглядывают золотые

сандалии, а на голове сияет золотом невесомый газовый шарф. Богиня сошла на землю...

Она появилась, когда народ уж разгулялся во всю. И все смолкли в мгновение, увидев ее в дверях. И сразу же - крики восторга! Американским красавицам, опоздавшим в России к застолью, так же, как и нашим, наливают штрафной, и Айседору, обреченно вздохнув, принимает полный граненый стакан водки. Пока она опустошала исконно русский сосуд, все пели за здравную. Да, в голодающей Москве веселиться умели отчаянно...

И вдруг дверь словно вышибает граната! И в проеме возникает Есенин. Позже она скажет своей ближайшей подруге, что лица более прекрасного она в жизни не видела. А что это иное, как не любовь с первого взгляда?

Наверное, он был уже немного навеселе, и ничто на свете его теперь удержать не могло. Она навстречу раскинула руки, а он с разбегу кинулся перед ней на колени и хватко обнял ноги ее, повторяя, как заклинание: «Айседора! Моя! Моя!»

Он завладел ею мгновенно!

А дальше что было - помнила смутно. Бешено завертелась сумасшедшая, огненная карусель, она бесконечно неслась неизвестно куда, развевались его сияющие золотые кудри, и ее шарф золотой тоже летел куда-то... Они танцевали вдвоем, и снова пили, и снова пели, и снова она твердил свое заклинание - одни и те же слова, ведь он не знал ни единого английского сло-

ва, и она говорила только «спасибо» и «здравствуйте»...

Но помнила годы потом, даже и тогда, когда его уж не стало: его кудри рассыпаны у нее на груди, а сама она тонет и тонет в голубых бездонных глазах... И еще долго помнила то странное чувство, целиком ее охватившее: хочется держать, не отпуская его, и чтобы он безмятежно уснул в ее объятиях.

Она тогда и мысли не могла допустить, что рядом с этим безудержным вихрем, с этой неутомимой натурой, с этим взрослым мальчишкой, к своим двадцати шести годам успевшим нажить уж троих детей, с ним ей никогда не будет покоя...

Ей - 43. Своих детей - сына и дочь - она потеряла в кошмаре. Быть может, поэтому еще Есенин представлялся ей большим ребенком, ищущим

в ней, как у матери, успокоения. Но это была любовь. Да она и секунды не сомневалась, что это любовь.

Он перекрутил всю ее московскую жизнь. Она рано вставала и после занятий с детьми бегала по голодной Москве, добывая для них пропитание. А Есенин поднимался где-то к обеду, а то и позже, иногда до вечера что-то писал - в то время муза его что-то капризничала, и тогда, в 22-м, такие строки о ней, своей любимой, оставил: «Я не знал, что любовь - зараза, я не знал, что любовь - чума. Подошла и прищуренным глазом хулигана свела с ума».

Но пока, в суматошной той жизни, когда хлеб добывался с великим трудом и когда зимних дней ожидали со страхом, они были счастливы оба. По вечерам Есенин исчезал куда-то, в доме воцарялась тишина, а ночью глубокой, когда дети спали, он внезапно являлся с толпой собутыльников - разудалых, шумных, веселых и еще снизу, не раздеваясь, требовал есть.

Айседора смертельно уставала от этих ночных налетов, но переделывать Есенина не могла, да и не стремилась к тому. Но зато с радостью ездила с ним с гостями к Сергею Коненкову, которого считала одним из величайших скульпторов в мире. А ведь она и с Роденом дружила...

Здесь, в огромной мастерской скульптора на Тверской, Есенин упоенно часами читал стихи, в которых она не понимала ни слова и которые вызывали тихую, добрую улыбку Коненкова, ни на минуту не

переставшего что-то резать по дереву. А когда Коненков, стряхнув тонкую стружку встал и доставал почтовую бутылку водки с куском колбасы, начинался великий пир... Айседора говорила потом, что то были одни из самых счастливых дней в ее жизни.

Они поженились 2 мая 1922 года, иначе Есенин не мог выехать из России в Америку. Женитьба по-советски ошеломила ее своей простотой: надо было только подписать документ. Никакого действия и таинства. Зато потом - пир горой, реки шампанского, толпа друзей и едва знакомых людей. Есенина любили, ее обожали.

Он доконал ее своими причудами. Она уже мечтает расстаться с ним. А он и сам устал от себя. С облегчением они расстаются в Париже. С тем, чтобы через какое-то краткое время вновь кинуться друг другу в объятия.

Они совсем расстались в тот день, когда он вернулся домой и застал ее рыдающей над фотографией погибших детей. Есенина привело это в ярость. Он выхватил альбом и швырнул его в печь, бросая ей оскорбления... Через несколько месяцев она узнала, что у Есенина есть другая.

Незадолго до их первой поездки они заехали в Ленинград и остановились в гостинице «Англетер». Однажды утром Сергей до смерти перепугал Айседору: подняв голову, он сказал: «Вот превосходное место, чтобы повеситься!» И скоро он вернется сюда и найдет этот свой крюк.

Судьбе было угодно, чтобы и ее жизнь оборвала петля на шею. Но это уже другая, немосковская история...

Леонид РЕПИН.